

ЭТОТ заголовок я поставила намеренно, хотя речь пойдет не о дебюте актера — он состоялся десять лет назад. Начало — не только первые шаги на сцене. К нему с немалым основанием можно отнести и тот момент в творческой биографии актера, с которого его работу начинают характеризовать высоким и емким словом — мастерство.

Именно таким началом отмечен сегодняшней творческой поиски Геннадия Балаева.

С двухсерийного телевизионного фильма «Амангельды», посвященного 50-летию образования СССР, началось мое знакомство с творчеством Г. Балаева. Только имея незаурядное дарование, можно было создать такой колоритный национальный характер, тем более актеру другой национальности. Балаев нашел точный и убедительный рисунок роли, чтобы показать талантливого вожака-самородка, пришедшего к пониманию ленинских идей, натуру исключительную и глубоко человеческую. Актер поэтично рассказал с экрана о герое, который больше всего любил степные просторы и не мог мириться, что жизнь в них его народа не была свободной. За счастливую долю людей он мужественно боролся и бесстрашно отдал жизнь.

Геннадий, вспоминая о фильме, рассказывает:

— Уже шли съемки, я играл эпизодическую роль, а был восхищен и заворожен образом Амангельды. И очень хотел сыграть эту роль. Пробовал себя убедить не думать об этом — не получалось. Пришел к режиссеру Е. Голосову и выпалил: «Дайте мне роль Амангельды!» — чем ошеломил его до крайности. Принял за шутку, естественно. Я не отступал. Удивлял режиссера упорством, делала фотопробы. Наконец получил согласие. И испугался — а вдруг не справлюсь!.. Работать над этой ролью было и ответственно, и увлекательно: материальность, богатый характер и жизнь героя — исключительные. Образ Амангельды, а также сыгравшая Абдурахмана, которого и играл в спектакле «Абай», особо памятна в моей актерской биографии.

...Первые роли Балаева рождались на сцене Владивостокского театра драмы имени Горького. Выпускник Ташкентской консерватории, Геннадий Балаев готовился стать пианистом. Но, как нередко бывает, распорядился случай. Обратил на него внимание режиссер Натан Басин и пригласил в свой театр во Владивосток.

Удачный дебют, дух эксперимента в работе, репертуар, партнеры и многое другое влияет на творческую судьбу актера, помогает распознать, развить талант — одному из самых щедрых даров природы, отпущенных человеку. Вот почему такое важное значение имеет внимательное отношение к тем, кто делает первые шаги в большое искусство.

Натан Басин оказался режиссером, который смело и много работал с молодыми, доверял им, помогал раскрываться дарованиям.

Геннадий считает, что со здорового морально-нравственного климата, творческих взаимоотношений, плодотворного общения молодого и старшего поколения актеров этого театра началось формирование его творческого почерка.

Дебютировал Геннадий в роли Марата в спектакле «Мой бедный Марат». По-мальчишески угловатый подросток, с открытой душой, мечтающий о подвигах и совершающий их впоследствии, Марат пришел по душе зрителям. В театре прямо говорили, что это большая удача молодого актера.

— Окрыленный первым успехом, — вспоминает Геннадий, — я и сам уверился, что сделал

НАЧАЛО

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

образ хорошо. Теперь бы я эту роль сыграл иначе, прочел бы намного глубже.

Затем Геннадий играл Нила в спектакле «Мещане», Лермонтова в «Поручике Лермонтове», Антонио в «Юлии Цезаре». Вместе с труппой молодой актер поехал на летние гастроли в Москву. Выступали на прославленной мхатовской сцене. Геннадий волновался едва ли не больше всех. Московские зрители тепло принимали дальневосточников, понравился им и Геннадий Балаев. После спектакля «Поручик Лермонтов» зрители скандировали: «Лермонтов!», вызывая исполнителя.

Спустя некоторое время Г. Балаев приедет в Алма-Ату, выдержит конкурс на лучшего исполнителя роли Лермонтова и станет играть на сцене нашего театра.

Геннадий на репетициях очень эмоционален, в каком-то самоотверженном поиске. Одно, третье, десятое решение мизансцены, отказ, и все сначала. Пока не приходит чувство удовлетворенности, внутренней уверенности, что именно так герой может сказать и поступить.

— Балаев — актер музыкальный, пластичный, эмоциональный, — говорит главный режиссер театра Владимир Иванович Захаров. — Мне кажется, поиск, неуспокоенность присутствуют в нем постоянно. Отсюда желание высказаться через образы полнее, чем уже удалось.

Самые разные роли сыграли Геннадием из классического и современного репертуара: драматические, лирические... Чичерин в «Большевиках» М. Шатрова, Дорохин — «Старые друзья» Л. Малюгина, Теймураз в лирической драме М. Думбадзе «Не беспокойся, мама», Сильва — «Свидание в предместье» А. Вампилова, скульптор Бриндзили в «Черной комедии» Шеффера, молодой половец Фернандо — «Живой портрет» Морето и другие.

За девять лет работы в нашем театре русской драмы им сыграно 30 заглавных ролей. В последнее время зрители встречались в основном с лирическими героями Балаева — Теодоро в спектакле «Собака на сене» Лопе де Вега, д'Артаньяном в «Трех мушкетерах» А. Дюма...

Я бы не стала приписывать Балаеву дар перевоплощения.

Для его творческого почерка характерно другое. Он наделяет своих героев лиризмом и обаянием. Образы, создаваемые им, будь то драматические или лирические, как бы «лепятся изнутри». Каждый раз идет поиск новых красок, выразительных средств внешнего рисунка роли, которые актер заставляет «работать» на образ.

Не всегда, быть может, зритель остается доволен работой Балаева, да это и естественно: когда есть к актеру интерес, то и требования предъявляются высокие.

Балаева привыкли видеть на сцене в образах героев, твердо стоящих на ногах, хорошо знающих, как им поступать. Его часто относят к актерам комедийного жанра.

Но вот то начало, о котором оговорилась в первых строках очерка. Оно связано с премьерой этого сезона — спектаклем «Фантазии Фарятьева» по пьесе А. Соколовой.

Герой сложен: его называют другие персонажи спектакля странным. Даже Шура, которую он любит.

— Вы помните, в котором часу мы встретились?

— Кажется, в шесть.

— Нет, в 6.10. Заря догорала.

— Господи, как вы странно говорите...

— Что же в этом странного? Вы разве не замечали, как она догорала? А я заметил, потому что вы тогда появились!...

Мать Шуры вообще склонна подозревать в Фарятьеве чуть ли не сумасшедшего за его непохожесть на других.

— Что за человек Фарятьев? Кого играть? — задавал себе вопрос Г. Балаев, когда уже шли репетиции. Роль была совершенно не похожа на те, что сыграны за десятилетие сценического творчества. Притягивала этим, но долго не давалась.

Трудно сказать, как рождался у Балаева этот образ, но то, что он представил зрителям, создано высоким мастерством актера. Каждая мизансцена — находка. Уже первый выход Фарятьева — Балаева на сцену — заявка на характер героя. В ритмическом строе мизансцены, в жесте актера чувствуется внутренняя одухотворенность. Мужчина с воздушными шара-

ми плывет (не ступает, а именно плывет) вместе с ними. Потом он будет появляться без шаров, держа в руках туфли: тихо-тихо, чтобы даже звук шагов не мог спугнуть его фантазий. Все должно быть негромким: и доброта, и слова любви, и мечта... И нежным. Тогда не только в снах, но и в жизни будет так, что «стоит протянуть руку, и другой человек погладит ее, стоит сказать одну фразу, пусть даже глупую, и другой человек поймет тебя». А это так необходимо, чтобы не мучиться над мелкими, никому не нужными проблемами, тратить мысли и чувства впустую, чтобы не смотреть всю жизнь под ноги...».

Голос, интонация актера содержательны и выразительны. Это позволяет нам «читать» то, что солгнется в подтексте и, наоборот, не при всяком исполнении будет выявлено.

Фарятьев Балаева — не фантазер, он просто человек, сохраняющий в чистоте свои чувства, сердце его открыто навстречу добру. Непрacticный, легкоранимый, тончайшей души человек. Он не приемлет утверждения, что в самой человеческой природе есть нечто упрощающее его духовную сложность. Надо понимать, а не отвергать таких фантазеров, убеждает Балаев.

— Вам удалась эта роль потому, что вы и в жизни такой, иначе было бы не убедительно, — сказала одна из работниц фирмы «Кзыл ту», где проходило обсуждение спектакля «Фантазии Фарятьева».

Конечно, это утверждение слишком категорично. Но верно то, что Балаев «лепил» образ своего героя, осуждая рационализм, который заглушает подчас в людях добрые начала, приводит к душевной глухоте. Подготовке роли сопутствовал синтез жизненных впечатлений. Отсюда тонкость, убеждающая нюансировка образа. Геннадий Балаев не скрывает от зрителей, что он не только любит своего героя, но в чем-то хотел бы походить на него.

Пьеса привлекала театр своим искренним интересом к человеку, к его радостям и бедам. Она о любви и фантазерах, несущих нам доброту и мечту.

Режиссер А. Вируля этим спектаклем помог Балаеву подняться в творчестве еще на одну ступень выше. Видимо, не случайное совпадение, что именно сейчас Геннадию Балаеву поручено вести занятия по мастерству актера с учащимися студии при театре. По тому, как он увлеченно рассказывает о ребятах, радуется их первым, маленьким пока удачам, чувствует, что сам он испытывает большую радость, помогая студийцам постигать «секреты» актерской профессии.

Кто из нас не жалуется на нехватку времени! Но когда выдаются свободные часы, мы посвящаем их миру своих увлечений. Геннадий пишет стихи и сочиняет к ним музыку — для души.

Геннадий не расстается с мечтой сыграть роль своего современника — молодого ученого.

— Эта мечта стала особенно острой после того, как мы недавно побывали в гостях у физиков. Такие молодые, земные ребята творят неземные, космические дела, — восхищается Геннадий. — Хотел бы, чтобы это была пьеса, похожая на «Девять дней одного года».

С. ЯГМУРОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Фантазии Фарятьева». Фарятьев — Геннадий Балаев, Любовь — Любовь Лушечкина.

Снимок М. Малиновского.